

19.1.95

Мартынов Равиль

Месса Солеemis, или Как Бог слышит мир

"ТОРЖЕСТВЕННАЯ МЕССА" Людвиг ван Бетховена относится к числу произведений, которые исполняются лишь раз в 10-15 лет. Будучи во время написания мессы абсолютно глухим, Бетховен слышал внутренним слухом - и создал грандиозное произведение, в котором мощный оркестр сопровождается многоголосым хором.

Первый раз месса была исполнена в Санкт-Петербурге 7 апреля 1824 года, последний - недавно, в декабре прошлого года.

Юбилейное исполнение состоялось в Государственной Филармонии. В нем были задействованы полторы сотни музыкантов - Санкт-Петербургский Государственный Оркестр под управлением Равиля Мартынова, хор Санкт-Петербургской Государственной Консерватории под руководством профессора Владислава Успенского и солисты.

Исполнение мессы стало возможным благодаря Генеральному консульству ФРГ и немецкому культурному центру имени Гете.

После концерта мы встретились с профессором Равилем Мартыновым.

- ПОЧЕМУ вы выбрали именно сейчас именно это произведение?

- Как музыкант, я давно стремился исполнить это сочинение. В этом году удобный случай - юбилей со дня первого его исполнения в России, которое произошло еще при жизни Бетховена, в 1824 году. Это одно из последних его сочинений, весьма трудное для исполнения, оно требует больших организаторских затрат из-за большой работы хора, солистов и оркестра. Практика показывает, что исполнение этого сочинения, как правило, происходит не чаще чем раз в 20 лет. Поэтому я думаю, что сегодняшнее исполнение мессы было нужно не только исполнителям и музыкантам, но и слушателям.

- Месса раз в 20 лет исполняется только в Пе-

тербурге?

- Нет, думаю, что так происходит везде. Это сочинение не то чтобы нерепертуарное, но оно очень сложно в работе. Оно до сих пор носит характер авангардной музыки, музыки будущего.

- В чем же ее авангардность?

- В потрясающем профессионализме и в то же время в вечности. У этого одного из последних сочинений Бетховена есть замечательный эпиграф: "От сердца к сердцу..."

- Трудно ли было работать с таким большим хором и оркестром?

- Работа сначала шла врозь, потом все надо было объединять. Это всегда трудно - объединять. Мой оркестр полгода назад это сочинение начал учить, хор - месяца три-че-

тыре.
- Каждая эпоха, видимо, должна это произведение прочитывать по-разному...

- Я не понимаю, что такое по-разному, потому что все исполнители в отношении к любой музыке ставят перед собой те задачи, которые заложены в этой музыке. То есть одни и те же задачи. Естественно, будут разные исполнения, потому что будут разные исполнители, сердца которых по-разному бьются. Но задача у всех одна. Очень часто говорят: "Вот этот Бетховен истинный, этот - неистинный". Никто не знает истины, но все к ней стремятся. Все одинаково стремятся, но у всех по-разному получается, и в этом парадокс, это закономерность. Потому что истина одна.

- Когда вы дирижируете, вы чувствуете себя самим собой или в вас вселяется Бетховен?

- Несомненно, я не думаю, что я Бетховен. Но я выучил эту музыку таким образом, чтобы не проглядеть ни одной ноты, ни одного нюанса, ни одной задачи, которую он поставил. И, если я хоть отчасти достиг этого, я буду счастлив. И, конечно, эта музыка не для того, чтобы проявить свою личность.

- Бетховен писал музыку глухим...

- Бетховен был глух для всех, но не для музыки - внутренний слух у него всегда продолжал быть могучим. Для музыканта самое главное достоинство - внутренний слух, внутренний мир. Он Бетховена никогда не покидал. Он

"Бетховен был глух для всех, но не для музыки"

мог не слышать рядом стоящего человека, но он, глухой, написал эту музыку. Это удивительный момент - он был глухой только для внешнего мира. Он был глухой, начиная уже со Второй симфонии. Уже во время написания Второй симфонии было известно его завещание. Когда Бетховен понял, что он глухой, он хотел покончить жизнь самоубийством. Но он продолжал писать музыку - внутренний слух у него был. И написал такую музыку.

- Что же он слышал внутренним слухом?

- Внутренним слухом он слышал идеальное исполнение - именно то, что он написал.

- Какой вы чувствовали сегодня свою задачу?

- Я давно и прилежным образом ставил перед собой задачу исполнять то, что написал автор. Ничего больше. От себя ничего больше я не имел права найти или изобрести. Я считаю, что здесь более чем достаточно информации, и мыслей, и задач.

- Как вы относитесь к современной музыке, к композиторам XX века?

- Во-первых, я всегда хочу найти преемственность музыки XX века с прошлыми веками. И если я нахожу, то я счастлив, потому что в это

время все понимают ее - я ощущаю по слушателям. А есть музыка только для определенного круга людей. Это обычно связано с тем, что очень трудно угадать преемственность.

- Преемственность иногда может угадать только специалист?

- Не всегда. Например, слушая Бетховена, наверняка многие, поражаясь прежде всего самому Бетховену, могли услышать в нем и Верди, и Брамса, и Вагнера... Это говорит о том, что те знаменитые композиторы, которых мы, может быть, больше знаем, хорошо знали эти неожиданные и малоизвестные создания Бетховена. Например, слушая Мессу Солеemis, понятно, что Верди хорошо знал это сочинение. И Брамс в своем "Немецком реквиеме" тоже показывает, что хорошо знал эту мессу. И по оркестровке, и по характеру. Так что мы все становимся и музыковедами, и искусствоведами.

- Может ли это произведение войти в ваш постоянный репертуар?

- Я был бы страшно рад, если бы его можно было исполнять хотя бы раз в три года. В каждом государстве есть такие сочинения, которые вся страна поет. В Англии таким

сочинением считают "Мессию" Генделя. Там все с малого возраста знают это сочинение - и в школах его учат. И раз в году обязательно исполняют это сочинение - все встают в хор, и все поют. Каждый год! Конечно, было бы замечательно, если бы это сочинение стало таким же. Но я думаю, что и для Германии достаточно трудно исполнить это сочинение. Я не представляю себе, насколько часто оно даже в Германии исполняется.

- В фильме Кшиштофа Занусси "Прикосновение руки" главный герой - современный композитор, который перестает писать музыку просто потому, что считает, что это бесполезно. Он молчит от отчаяния. Можно ли ожидать от современной музыки - или от музыки будущего - таких же вершин, как Бетховен или Моцарт?

- Можно. Во времена Бетховена многими он тоже не воспринимался, казался диким. Считалось, что это слишком авангардная музыка. Музыка будущего вообще мало кто хочет слушать... У нас наверняка есть и Моцарты, и Бетховены. Это зависит от многих обстоятельств. От подготовленного слушателя, конечно же. Я совершенно убежден в том, что они есть.

- Вы их знаете?

- Я если их даже назову, это не значит, что они станут Моцартами или Бетховенами, потому что Бетховена и Моцарта кто создал? Народ, история создала. Рядом с Моцартом тоже были выдающиеся мастера, которых мы уже не зна-

ем. Они даже имели успех больший, чем Моцарт. Всем известен Сальери, например. Но история оставила нам Моцарта. И Бетховена. Все остальное как-то уходит. А то бывает - через несколько веков открывают то, что не заметили современники. Находят, что это было гениально, - например, история с Бахом. Он был вообще неизвестен в свое время. Более двух веков прошло, прежде чем его открыли. Естественно, мы скоро узнаем, кто рядом с нами был. Шостакович - несомненно, он еще при жизни классиком был. Шостакович и Прокофьев - мы можем быть счастливы, что вместе с ними жили и отметили их дарование, а не кто-то после нас. Мы рады должны быть, что в одном столетии с ними жили.

- Можно, наверное, воспринимать исполнение симфонии как некий магический ритуал...

- Я думаю, что в музыке магия присутствует, но исполнитель не должен пользоваться этими возможностями. Некоторые, может быть, и пользуются. К сожалению, есть у нас и дирижеры, и исполнители, которые приучают людей приходить посмотреть на музыку, а не слушать. Такие выдающиеся дирижеры старшего поколения, как Мравинский, мечтали приучить публику не смотреть, а слушать музыку - закрыть глаза и слушать, а звуками рождаются ассоциации. Они считали, что лишние внешние проявления отвлекают слушателя от замысла. Видимо, они были правы. У исполнителей же, которые только себя проявляют, я думаю, успех временный. Ка-

кои-то композитор сказал, что он пишет музыку тогда, когда не может не писать. Я думаю, что дирижер должен так же подходить к исполнению - он дирижирует потому, что уже не может не дирижировать. Он должен стать немножко соавтором - но соавтором, не искажая сущность того, что композитор хотел сказать. Это не так легко.

- Вы не удивляетесь, что в наше время Лени Голубкова и MTV кто-то еще ходит в концертные залы?

- Я как-то отвечал на этот вопрос за рубежом, где они удивляются, что мы почему-то еще живы. И особенно тому, что еще артисты наши живы, еще искусство живо. Я думаю, я правильно отвечал, что в эпоху коллизий и кризисов искусство здорово возрождается...

- В "Амадеусе" Питера Шеффера Моцарт говорит: "Я хочу написать финал, который длился бы полчаса. Квартет становится квинтетом, станвится секстетом. Все дальше и дальше, все шире и шире - все звуки умножаются и поднимаются, все вместе - и вместе создают звук совершенно новый! Бьюсь об заклад, именно так Бог слышит мир. Миллионы звуков восходят к нему каждый момент и смешиваются в Его ухе, чтобы стать нескончаемой музыкой, музыкой, которую мы не можем себе представить! Вот наша работа! Вот наша работа, нас, композиторов: сочтает внутренние миры его, и его, и его мысли горничных и придворных композиторов - и обращать слушателей к Богу." (Перевод И.Ш.)

Игорь ШНУРЕНКО

Синько Е. П. - 1995 - 19 янв. - а 5